

РАЗДЕЛ V ФАКТОРЫ И ФЕНОМЕНЫ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

ДВИЖЕНИЕ ОБЩЕСТВ К ЗРЕЛЫМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ КАК ДЛИТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР ВОЗМОЖНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Главная идея, проводимая в настоящей статье и связанная с корреляцией между незрелостью/отсталостью/неразвитостью и будущими событиями нестабильности, состоит в следующем. По мере взросления общества и перехода к более зрелым отношениям в нем появляются идеология, социальные, национальные и политические силы и условия для определенных процессов, которые могут одновременно влиять на дестабилизацию. Мы имеем в виду следующие факторы: стремление к национальному государству, к демократии и социальной справедливости, желание получить свою долю благ и власти со стороны тех или иных элит, борьба за ресурсы и привилегии, усиление противоречий между регионами страны и т. д. Все это может вести к внутренней конфронтации и в итоге к возможной дестабилизации. В странах Сахеля, ряде стран Ближнего и Среднего Востока, а также в приграничных с афразийской макрозоной нестабильности странах продолжается модернизация. В результате в этих обществах формируется все более сложный конгломерат современного и архаичного во всех

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

сферах производства и жизни. Черты архаики будут, конечно, исчезать, но в течение долгого времени. И при быстрой модернизации возникает жесткий конфликт передового и архаичного, что является само по себе источником нестабильности.

Проведенный анализ следующих факторов: а) недостаточная зрелость политических отношений и системы государственного управления, ведущая к тому, что многие страны Афразийской макрзоны нестабильности относятся к слабым или несостоявшимся государствам, неспособным противостоять преступным и террористическим группировкам, защитить собственное население; б) архаичность хозяйства и социальных отношений; в) продолжающиеся процессы модернизации и урбанизации; г) Африка, в том числе зона Сахеля и Северная Африка, а равно и другие зоны афразийской макрзоны нестабильности, становятся территорией все большего геополитического соперничества крупных держав, – приводит к выводу, что период изживания этих недостатков и взросления обществ будет также периодом чрезвычайно высокого риска дестабилизационных процессов.

1. Введение

В рамках афразийской макрзоны нестабильности общества сильно отличаются по уровню зрелости отношений. При этом важно, что многие общества выглядят недостаточно зрелыми. Особенно заметна незрелость в африканской части афразийской макрзоны нестабильности, прежде всего в зоне Сахеля. Эта незрелость проявляется в целом ряде отношений: традициях государственности (включая и отношение населения к государству, и качество управления, и мн. др.), уровне урбанизации, индустриализации и образования, архаичных сельхозтехнологиях и др. В условиях глобализации и быстрого роста населения, да еще умноженную на пропаганду радикального ислама из гораздо более развитой части исламского мира, указанную незрелость необходимо рассматривать как важнейшую причину нестабильности в настоящем и будущем. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые факторы, связанные с отсталостью при общем тренде движения стран вперед, к развитию.

Главная идея, проводимая в настоящей статье и связанная с корреляцией между незрелостью/отсталостью/неразвитостью и буду-

щими событиями нестабильности, состоит в следующем. По мере взросления общества и перехода к более зрелым отношениям в нем появляются идеология, социальные, национальные и политические силы и условия для определенных процессов, которые одновременно могут влиять на дестабилизацию. Мы имеем в виду следующие факторы: стремление к национальному государству, к демократии и социальной справедливости, желание получить свою долю благ и власти со стороны тех или иных элит, борьба за ресурсы и привилегии, усиление противоречий между регионами страны и многое другое. Проблемы, которые ранее не проявлялись или их значение было небольшим, в связи с целым рядом изменений, включая изменение демографического состояния и пространственного размещения населения, рост образования, культуры и уровня жизни, формирование новых слоев общества и их большую восприимчивость к влияниям извне, становятся очень важными или даже центральными. В результате они ведут к внутренней конфронтации и возможной дестабилизации.

2. Незрелость и слабость государств как источник нестабильности в обществе

В своих работах (см.: Гринин 2009; 2013; Grinin 2012; 2013; Гринин, Коротаев 2016: гл. 2, 3; Гринин 2017) мы уже неоднократно касались того важного обстоятельства, что для создания более или менее прочного государства необходим длительный опыт государственности и государственного строительства.

Проблемы молодых государств нередко связаны с недостаточной «пригнанностью» между обществом и государством. Это особенно характерно для молодых, недавно образовавшихся государств в районах, где и в целом государственность не была развита (например, в Африке южнее Сахары), в которых население мыслит себя прежде всего не в государственном, а в ином социальном пространстве (деревни, племени, небольшой этнической группы, этноса и т. п.). Мы пришли к выводу, что потребность в государственности (причем в определенной форме политического режима) должна стать имманентной общественному сознанию, стать частью ментальности, культуры и даже быта населения, что требует столетий государственных традиций. Границы должны превратиться, по выражению Ф. Ратцеля, в периферийные органы государства, а не оставаться искус-

ственным рубежом, разделяющим территорию, населенную родственными этносами, общинами или даже племенами. В противном случае неизбежны неустойчивость, распад, перманентная кризисность. В этом плане нельзя не обратить внимание на то, что большинство ныне существующих стран в африканской зоне нестабильности (а в зоне Сахеля и в целом в Африке – абсолютное большинство) имеют очень короткую – в пределах всего нескольких десятилетий – историю своей национальной независимости и соответственно суверенности. А установление прочной государственности, повторим, требует столетий, традиций и менталитета государственности (см.: Гринин и др. 2017).

Мы пришли к выводу, что наиболее прочную государственность представляет так называемое зрелое государство, соответствующее периоду индустриализации и модернизации (Он же 2010). Однако молодые государства, тем более без истории государственности и населенные незрелыми этническими образованиями (это коррелирует с тем, что называется трайбализмом – см. также: Гринин 2020a), не могут сразу создать такой тип государственности. Во многих отношениях эта государственность еще напоминает самый архаичный ее тип – раннее государство (см.: Он же 2011; Grinin 2008). В ранних государствах управление не проникает глубоко в общество и государство является, скорее, еще некой надстройкой, власть не в состоянии влиять на каждого жителя, она делает это через традиционные структуры. И в странах зоны Сахеля мы видим еще очень заметные остатки такого положения.

В частности, специфика Сахеля в том, что пустыня нередко отделяет правительства этих африканских стран от своего населения, представляющего смесь из различных этнических группировок, говорящих на многочисленных языках и диалектах. Тяжелые природные условия, бедственное экономическое положение, политическая нестабильность являются предпосылкой государственных переворотов, сопровождающихся переориентацией национальных политик и сменой государственных приоритетов. Все это, по выражению специального посланника ООН в Сахеле Романо Проди, говорит «о высоком уровне хрупкости в регионе» (Газетов, Ветров 2014).

В недееспособных государствах (разрушенных в результате гражданских войн и интервенций или так и не сумевших стать достаточно централизованными, о них см. ниже) возможности прави-

тельств также не выходят слишком далеко за пределы обеспечения безопасности столиц и крупных городов.

В Сирии, Ливии, Йемене, отчасти в Ираке (и, добавим, в Афганистане) центральные правительства оказываются вполне способными обеспечивать безопасность и нормальную хозяйственную жизнь в столицах и близлежащих районах, где и концентрируется основное население. По мере удаления от этих зон государство начинает исчезать. Где-то его полное уничтожение создает возможность для появления конкурирующих политических центров (Тобрук в Ливии, Аден в Йемене, Эрбиль и Сулеймания в Ираке, Ракка в Сирии и Ираке). В каких-то случаях население оказывается способным к самоорганизации на архаичных основаниях и к выстраиванию негосударственных, но более или менее стабильных форм политико-экономического существования (Звягельская, Кузнецов 2017: 16). В других, как мы видели, формируются террористические государства архаичного типа, каким было «Исламское государство»¹. Характерно, что незрелость государственности прослеживается и в отдельных провинциях достаточно устойчивых стран. Это связано, в частности, с тем, что на их окраинах живут народы, которые еще не готовы отказаться от архаичных форм самоорганизации и управления. Такую ситуацию мы обнаруживаем, например, в южных и западных районах Туниса и в алжирской Кабилии. Конкретные формы политического бытия каждый раз могут быть разные (но важно, что они либо негосударственные, либо противоречащие общепринятому в мире праву). В Тунисе, например, речь идет о симбиотическом существовании нелегальной «экономики границ» и традиционных кланов – уруш (похожая ситуация была и на иракско-сирийской границе). В Алжире – о формировании координационных комитетов деревень Кабилии. Во всех случаях мы имеем усиление тех форм жизнедеятельности, которые существовали и раньше, однако менее явно. Резистентность этих примитивных форм общественной жизни к внешним угрозам делает их устойчивыми (Там же).

Соответственно, не все из сахельских государств обладают суверенитетом в общепризнанном плане². Мы показывали, что недееспо-

¹ Организация признана в России экстремистской и запрещена.

² При этом существует целый ряд теорий, в которых различается «качество» суверенитета разных по уровню и степени самостоятельности стран, например, так называемых квазигосударств (Jackson 1990), слабых (fragile states, см.: Hagsteijn

собные государства (failed states), если они не стали жертвами внешней агрессии (см. ниже), – это либо страны молодой государственности, не имевшие традиций государственности, либо те, в которых она имелась спорадически или не проникала глубоко в жизнь, образуя более или менее непрочную надстройку, а основная часть населения управлялась иными (негосударственными) формами. Таков, например, Афганистан (Гринин и др. 2017). Также существуют так называемые слабые государства (fragile states). Это более широкая группа, которая по определению включает в себя вместе с неразвитыми, плохо управляемыми и недееспособными государствами, а также в большинстве своем непризнанные государства. В зоне Сахеля имеются непризнанные и частично признанные государства: Азавад (государство туарегов), Сахарская Арабская Демократическая Республика, Сомалиленд. На Ближнем Востоке можно говорить де-факто о государствах курдов на севере Ирака и Сирии. Какое-то время существовало так называемое «Исламское государство» – довольно яркий пример структуры с характерными чертами раннего государства.

Можно согласиться с Р. Хагештейн (Hagesteijn 2008), что имеет смысл делать сравнения между слабыми государствами (fragile states) и ранним государством, которое обычно есть только надстройка над обществом (см. выше; подробнее см.: Grinin 2003; 2011; 2012). Одна из характерных черт раннего государства – большая роль пришлого населения, с помощью которого разрываются традиции и производится управление. Что мы видим в этом отношении, например, в районах Сахеля? «Лидерами боевиков обычно являются чужаки-арабы. Основа их отрядов – местные, которые берут в руки автоматы как альтернативу тяжелой жизни в нищете» (Конько 2020).

Существует рейтинг стран мира по уровню слабости (Гуманитарный портал 2020). Рассмотрим данные за 2020 год. В первой двадцатке по слабости государственности в этом списке: на Ближнем и Среднем Востоке четыре государства, в том числе в первом десятке: Йемен, Сирия, Афганистан; во втором десятке: Ирак; в Се-

2008), недееспособных (failed states, см.: Rotberg 2004), «дефектных», «неполных» государств и т. д.

верной Африке – одно государство, это Ливия, находящаяся во втором десятке; в зоне Сахеля – шесть государств (из 10 находящихся в этой зоне), в том числе в первом десятке: Судан, Чад; во втором десятке: Нигер, Мали, Нигерия, Эритрея, Камерун. Если учесть еще пограничные с этой зоной государства, то добавятся Южный Судан и ЦАР.

Итого в афразийской макроне: 11 слабых государств (из первых 20) плюс три в пограничной с ней зоне, плюс несколько непризнанных государств. Очевидно, что такая ситуация не может не способствовать нестабильности, а поскольку формирование развитого управления – дело небыстрое, это и источник нестабильности в будущем.

В афразийской макроне нестабильности имеется ряд несостоявшихся государств (они также посчитаны выше, поскольку, как выше сказано, относятся к группе слабых государств по определению). Это Афганистан, Сомали, Ливия, Йемен, Ирак, Сирия³. Следует отметить, что некоторые из них еще недавно были довольно устойчивыми и во многих отношениях процветающими. Это Ирак, Сирия, Ливия. Однако они подверглись интервенции и в настоящее время представляют собой не единую территорию, а совокупность несколько территориальных образований с различной властью и являются зоной гражданских войн и интервенций. Но хотя основной причиной их деградации послужило внешнее влияние, стоит все же отметить, что в силу ряда своих особенностей: исторически недолгой государственности, конгломеративного населения, пороков центральной власти – они оказались легко подверженными распаду. Несостоявшиеся или временно расколотые страны (как Сирия) сами становятся источником дестабилизации (например, использование сирийских наемников в Ливии и Карабахе помогает создавать там хаос).

Период внутренней смуты в сочетании с внешней интервенцией, который затягивался на десятилетия, превращая страны в недееспособные, проходило немало государств. Там, где традиции государственности были сильнее, имелось больше шансов преодолеть тяжелый кризис (такowymi оказались, например, Эфио-

³ Несостоявшимся государством можно считать и Ичкерия (Чечню) в конце 1990-х гг.

пия⁴, Кампучия, Лаос). Также при анализе тех или иных обществ, сталкиваясь с их достаточной успешностью наряду с неудачами у соседей в плане прочности режима, нередко можно обнаружить, что эта прочность не случайна, а связана с более устойчивыми традициями государственности, чем у соседей. Возьмем, например, Марокко, которому удалось пройти период Арабской весны без потрясений. Можно выяснить, что, во-первых, этому способствовал режим конституционной монархии (см. об этом в: Гринин 2020б; Гринин и др. 2017). А во-вторых, государственность в Марокко имеет более глубокие корни, чем, скажем, в Тунисе или Алжире, да и в целом традиции государственности и монархизма в Марокко сильнее, чем во многих других странах Ближнего Востока. Королевская власть наследуется по прямой мужской линии в роду Алауитов (правят с 30-х гг. XVII в.), являющихся потомками пророка Мухаммада. Все это служит дополнительными скрепами, удерживающими общество от дестабилизации (Ланда, Саватеев 2015: 162).

Слабое государство и отсутствие безопасности. Как правило, слабые государства являются территорией, на которой вольготно живет различным преступным группировкам. Афганистан давно известен как производитель и транспортер наркотиков⁵; Сомали – как место, где хозяйничают пираты (о пиратстве см.: Филатов 2011); в Чечне было в порядке вещей похищение людей. Менее известно о подобных явлениях в странах Сахеля. Между тем эта пустынная территория является важным путем контрабанды и трафика кокаина в Европу, Азию и т. д. Через субсахарский регион проходит до 30 % латиноамериканского наркотрафика в Европу. Иногда безыдейный криминал и джихадисты действуют сообща, иногда – отдельно. Общим врагом для террористов являются местные власти, локальные армии и их западные союзники (Конько 2020).

⁴ Но и в ней, как мы видим в: Гринин 2020а, налицо сильные процессы национального сепаратизма.

⁵ Афганистан превратился в крупнейшее в мире наркогосударство, где производится 95 % опиума в мире. Ежегодные доходы от афганского наркобизнеса составляют десятки, если не сотни миллиардов долларов. За последние 10 лет, именно в условиях присутствия в стране Международных сил содействия безопасности (МССБ), находящихся с некоторых пор под командованием НАТО, от произведенных в Афганистане наркотиков во всем мире умерло свыше 1 млн человек (Филатов 2012).

И еще одна характерная черта слабых государств – действия силовиков (армии, полиции) направлены порой не на защиту населения, а используются для его грабежа либо для того, чтобы брать взятки. Нередко правительственные солдаты переходят на сторону террористов, так как сочувствуют им либо считают их условия выгоднее. Так поступали, например, отдельные сотрудники чеченской милиции в 1990-е гг., в Ливии и Ираке часть правительственных войск встала на сторону мятежников-террористов⁶. В Ираке, кроме того, ядро армии ИГ составили бывшие офицеры разведки и армии эпохи Саддама Хусейна, в частности из республиканской гвардии (Мьюир 2016).

Почему количество людей в повстанческих и экстремистских группах в странах зоны Сахеля не сокращается? Причиной тому, по мнению старшего научного сотрудника организации *Human Rights Watch* Коринн Дуфка, является отсутствие обеспечения верховенства закона, вызванное преступным поведением солдат, полицейских, политиков, имеющих мандат на защиту людей и их интересов. В Нигерии, по данным *Human Rights Watch*, целевая группа нигерийской армии, призванная сражаться с террористами «Боко харам»⁷, была замечена в «чрезмерном применении силы, физического насилия, тайного содержания под стражей, вымогательстве, поджогах домов, краже денег во время рейдов и внесудебных казнях подозреваемых». Правительство Южного Судана было подвергнуто разоблачительной критике за привлечение Народно-освободительной армии, обученной и подготовленной США, к этническим убийствам (Газетов, Ветров 2014).

Неспособность слабых правительств защитить собственное население от бандитов и террористов приводит к тому, что последнее подвергается постоянным атакам, грабежам, часто вынуждено переселяться. В нашей статье (Гринин 2020в) мы приводили данные об огромном количестве террористических актов в Мали и других странах. Это порождает сотни тысяч беженцев со всеми негатив-

⁶ По некоторым данным, в Сирии на сторону ИГ перешло до 80 % вооруженных сирийских оппозиционеров, которых поддерживала западная коалиция (Поволоцкий 2014).

⁷ Организация признана в России экстремистской и запрещена.

ными последствиями, включая и нестабильность (см., например: ВПП ООН 2019). О беженцах и гуманитарных катастрофах см.: Гринин 2020г.

Наконец, любое негативное событие при слабой государственности увеличивает возможность дестабилизации. Мы уже упоминали в (Гринин 2020в), что усиление джихадистов в зоне Сахеля в 2020 г. совпало с пандемией и сокращением усилий по борьбе с терроризмом, поскольку часть сил и ресурсов пришлось отвлечь с фронта борьбы с террористами для осуществления мер против распространения вируса (см.: Филиппов 2020). Таким образом, любое негативное событие усиливает рост терроризма.

3. Скотоводы и оседлое население

Хотя скотоводство в XXI столетии выглядит как нечто архаичское, однако для многих десятков миллионов людей это все еще основное занятие. И как раз едва ли не большинство скотоводов проживает именно в афразийской макроне нестабильности. Это зона Сахеля, части Северной Африки, Афганистан, часть Пакистана (так называемый Белуджистан, Пуштунистан), Ирана и др. Наличие скотоводства как важнейшего хозяйственного сектора создает много социальных, политических и экологических проблем для государств афразийской макроне нестабильности. В условиях слабых государств отношения между скотоводами и оседлым населением также остаются на архаичном и довольно конфликтном уровне, примерно на таком же, на каком они были многие десятилетия или даже столетия назад в ранних государствах. Ведь скотоводы, о которых идет речь, это фактически кочевники или полукочевники со всеми вытекающими последствиями. А климат Сахеля слишком засушлив, 75 % его территории не годятся для оседлого образа жизни (Тремо 2020). Поэтому вовсе не удивительно мнение экспертов, что одной из причин военных конфликтов в Сахеле и Судане в настоящий момент являются несовершенство в области землепользования и противоречия, которые возникают между скотоводами-кочевниками, а также племенами, ведущими полукочевой образ жизни и промышленными отгонным скотоводством, с одной стороны, и оседлыми земледельческими народами – с дру-

гой (Шаровский 2014; см. об этом также: Гринин 2020г)⁸. Пастбищное животноводство (тысячелетняя экологически устойчивая традиция) является источником средств к существованию более чем для 20 млн жителей Сахеля (Тремо 2020). И если огромную территорию этого занятия помножить на 20 млн кочевых представителей разных этносов, то проблемы, включающие основания для нестабильности, вырисовываются очень серьезные: грабежи, конфликты, истощение коллективных водных источников, споры за территории, потравы⁹, похищение людей, вооруженные столкновения и многое другое. А еще экологические проблемы, связанные с периодическими засухами, падежами скота и голодом (см.: Там же). Также об экологических проблемах см.: Гринин 2020г.

4. Модернизация, особенно исламистская – повышенный риск нестабильности

Как мы уже говорили (Гринин 2018), в исламских странах (в том числе африканской макрзоны нестабильности) есть ряд особенностей, которые обуславливают отклонение здесь модернизации от ее классической траектории: 1) особая роль исламизма, который широко распространен среди многих социальных слоев, а также влияет на направления развития (включая образование), необходимые для модернизации; 2) слабость государственных структур в арабском и особенно африканском мире (см. выше); 3) нефтяное богатство, благодаря которому появились очень крупные средства для

⁸ Хотя, конечно, уровень организации скотоводов все же растет. И если раньше, например, тип общества туарегов оценивался как аналог раннего государства (см.: Гринин 2006; 2011), то в 2012 г. они создали именно государство, имеющее название Азавад. Впрочем, туареги всегда были воинственными: грабили караваны, захватывали рабов (Там же; Филиппов 2013), и сегодня далеко не во всем отказались от старых привычек. Интересно, что туареги в течение десятилетий имели тесные связи с Ливией. При М. Каддафи во время засух они получали от Ливии гуманитарную помощь. В 1980-х гг. воины-туареги стали элитой Вооруженных сил Ливии. Со смертью Каддафи рухнула и создававшаяся им десятилетиями система сдержек и противовесов между властями африканских государств и кочевниками-туарегам, не признававшими «колониальных» государственных границ (Малышева 2014).

⁹ «Пришлые скотоводы прибывают все раньше и раньше, еще до окончания сбора урожая, и иногда их скот уничтожает наши поля», – говорит Хамадж Барри, староста деревни, расположенной рядом со становьем семьи Каффиа (Тремо 2020).

особого пути модернизации (с учетом меньшей финансовой зависимости исламских стран от Запада), а также усилились позиции исламизма как массовой идеологии и образа жизни.

Все вместе это ослабило возможности для вестернизации исламских стран и создало условия для особого пути модернизации арабских и многих исламских государств. Соответственно, модернизация в исламских странах, включая и страны зоны Сахеля в Африке, идет особым путем, при этом опасности модернизации как периода, который особенно чувствителен к дестабилизации, усиливаются мощным влиянием исламизма и во многих случаях радикализма (как антипода модернизации).

Наши исследования, как и исследования многих других ученых (см., например: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Huntington 1968; Brunk *et al.* 1987; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Voix 2011; Хантингтон 2003; 2004; Стародубровская, Мау 2004; Хобсбаум 1999*a*; 1999*б*; 1999*в*; Гринин 2014; 2017; 2018; 2019), на примере целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи показали, что сами процессы модернизации независимо от уровня потребления и темпов демографического роста достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов. Последние сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Для нашей темы важно отметить, что поскольку модернизация есть попытка догнать передовые общества, нередко получается, что одни и те же общества модернизируются несколько раз. Это также может случиться из-за того, что не удается создать политическую систему, которая бы не требовала насильственных модернизаций. Некоторые арабские и исламские страны (например, Египет, Иран, Пакистан) уже на протяжении длительного времени постоянно предпринимают попытки модернизации, при этом иногда она осуществляется относительно вяло, а иногда очень резко, что усиливает диспропорции и опасность дестабилизации (см.: Гринин 2019). *Таким образом, важно различать страны, которые модернизируются впервые, и страны, которые уже имели предыдущий опыт модернизации.* Многие государства Ближнего и Среднего Востока относятся ко второй группе, а вот страны Сахеля – к первой. Хотя и первичная, и повторные модернизации представляют собой периоды повышенного риска дестабилизации, все же в странах, уже

имеющих опыт модернизации, больше механизмов и институтов, которые этому препятствуют. А у стран, впервые осуществляющих этот процесс, таких амортизаторов существенно меньше. Вот почему в странах второй группы основной риск – это революции, а у первой группы – общая дестабилизация с возможным сепаратизмом, параличом власти, превращением страны в слабое или несостоявшееся государство. Мы писали в: Гринин 2020d, что революции как средство для облегчения модернизации все еще будут играть свою роль в недостаточно развитых странах, поскольку уровень экономического развития в них опережает уровень политической системы, а также создает высокий уровень неравенства в обществе. Такие революции обычно бывают социальными (социально-политическими).

В настоящий момент еще много обществ находится в периоде, который можно определить как модернизацию экономики и социально-политических отношений. Особенно много их в Африке южнее Сахары. В этом регионе по сравнению с другими в целом было не так уж много революций, при этом социальных революций было совсем мало. Но с учетом сказанного выше революции для стран первичной модернизации – далеко не единственная опасность, существует опасность дестабилизации власти под воздействием внешних факторов (таких как экспорт радикализма и терроризма), которые становятся через некоторое время внутренним фактором, а также этнополитических или иных конфликтов, ведущих к гражданским войнам. Военные перевороты – также показатель слабости государства и могут дезорганизовывать общества. Напомним, что военные перевороты, например, в Мали случились в 2012 и 2020 г. В той же Буркина-Фасо они происходили в 2003, 2014 и 2015 гг.¹⁰ В свою очередь, политическая нестабильность может провоцировать все большую вовлеченность вооруженных сил в общественную жизнь (Пашенцев 2016).

В случае исламских стран на обычные проблемы модернизации накладываются и особенности исламских обществ. В частности, движение в сторону модернизации означает и рост уровня образования, что обостряет некоторые моменты. Во-первых, рост уровня

¹⁰ Также с 2000 г. были военные перевороты в других странах Сахеля: в Чаде (2004 и 2006 гг.), Мавритании (2005 и 2008 гг.), Нигере (2010 г.), Южном Судане (2013 г.), Судане (2019 г.).

образования так или иначе ведет к эмансипации женщин, что вызывает исламистскую реакцию в обществе с вытекающими из этого последствиями для стабильности. Во-вторых, рост образования ведет к росту требований и ожиданий (см.: Гринин 2014; Гринин, Коротаев 2016). Их неудовлетворение становится причиной для возникновения революционных ситуаций. Так, мы отмечали, что в некоторых случаях (как, например, в Египте) рост недовольства именно весьма образованной и не реализовавшей себя части населения ведет к тому, что она начинает активно фрондировать и участвовать в революционных событиях. Это можно назвать **синдромом нереализованных возможностей культурной и активной части населения** (см.: Гринин и др. 2015). Таким образом, нередко получается, что революции или иные социальные противостояния происходят именно в экономически успешных обществах. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по такой модели (см.: Гринин 2012; Гринин и др. 2016). А этот путь нередко ведет к революционным ловушкам (см.: Гринин 2020a). Можно посмотреть на примере Кот-д'Ивуара, какие диспропорции возникают в быстро модернизирующихся обществах. Так, в этой стране шло быстрое развитие уже с 1970-х гг. Но плоды развития пожинал в основном юг страны. И к 2000-м гг. произошло окончательное разделение на успешный Юг и менее развитый Север.

Темпы роста экономики достигали 11 % в год. В результате в Кот-д'Ивуар хлынули мигранты из соседних, в разы более бедных стран, в основном из Буркина-Фасо и Мали. Миллионы иностранцев работали на плантациях какао и кофе, на фабриках и заводах тогдашней столицы страны Абиджана. Экономика развивалась настолько бурно, что в Кот-д'Ивуар стали переезжать и европейцы – к 1990-м гг. в Абиджане жило больше французов, чем в колониальные времена. Никто не хотел беспокоиться тем, что экономика процветала лишь на юге страны. У жителей северной половины был простой выбор – или прозябать в нищете, или же переезжать на юг (Максимов 2011).

Неравномерное экономическое развитие страны, при котором один регион резко опережал другие, а также готовность политиков ис-

пользовать этнические разногласия и насилие для того, чтобы остаться у власти и «задушить» оппозицию – вот корни теперешнего конфликта в Кот-д'Ивуаре. В итоге ущемления прав северян началась гражданская война, в которой погибли сотни людей, а миллион человек были вынуждены покинуть свои дома. После победы на президентских выборах 2010 г. представителя Севера в Абиджане и по всему югу начались этнические чистки. В то же время группы молодых людей с Юга, иногда при помощи вооруженных сил, нападали на мирных жителей северного происхождения (Максимов 2011). Таким образом, мы видим, что типичные недостатки, особенно характерные для Африки: а) неразвитое государство (со слабыми историческими традициями), б) не сложившиеся нации, в) плюс многоконфессиональность и исламский элемент, – при накладывании проблем, возникающих в результате ускоренной модернизации, приводят к опасной ситуации, при которой страну может «разорвать». Во многом сохранению единства способствовала позиция Франции. Следует учесть, что увеличившаяся миграция из Буркина-Фасо и Мали (см. выше) не только создала ситуацию, при которой почти четверть населения страны составляли эмигранты или их потомки второго поколения, требовавшие права голоса, но и привела к увеличению количества мусульман в Кот-д'Ивуаре, которые в большинстве живут на севере страны, тогда как христиане – на юге¹¹.

Повторим, что неразвитость в плане формирования современной нации также очень заметно может влиять на нестабильность

¹¹ В многоконфессиональном Кот-д'Ивуаре мусульмане составляли относительное большинство – более 40 %. Важно иметь в виду, что в чем-то похожая ситуация имеет место и в соседней Нигерии. Разница, однако, в том, что население Нигерии во много раз больше, чем в Кот-д'Ивуаре. В Нигерии имеются традиционные этнолингвистические и конфессиональные деления, главным из которых является раздел между мусульманами (50 % населения) и христианами (40 %). И эти деления усугублены серьезными региональными диспропорциями между относительно развитыми нефтедобывающими штатами Юго-Востока, где преобладают христиане, и лишенным этого природного ресурса отсталым и преимущественно мусульманским Севером. В смысле уровня культуры показателен контраст в сфере женского образования: если в некоторых северных штатах Нигерии умеют читать и писать менее 5 % женщин, то в местах проживания крупнейшей народности Юго-Востока – ибо (игбо) грамоте обучены более 90 % женщин (Мальшева 2014).

в будущем. Дело в том, что при взрослении наций, при развитии их культуры, интеллигенции, идеологии и прочего в них просыпается национализм и нередко сепаратизм. А отсюда – прямой путь к национально-освободительным (национальным) революциям или сепаратистской борьбе. Подробнее мы на этом моменте остановимся в: Гринин 2020а.

В нашей работе (Гринин 2019) было показано, что конфликт между Катаром и другими странами Залива, помимо целого ряда причин, определяется также конфликтом между старым курсом глобализации (условно «нефтяной» – Саудовская Аравия и другие страны Залива) и новым (условно «газовой», то есть основанной на технологии сжижения газа, где особенно продвинулся Катар). Стремление отойти от «нефтяного», уже отживающего пути модернизации, возможно, стало одной из причин попыток модернизации сверху в Саудовской Аравии под руководством принца Мухаммеда ибн Салмана. Однако его методы и непоследовательность, по нашему мнению, создают опасность дестабилизации в стране, которой одновременно угрожают и падение цен на нефть, и связанные с этим непопулярные меры бюджетной экономии.

Конгломерат современного и архаичного. *Таким образом, в странах Сахеля, в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, а также в приграничных с афразийской макрорегионом нестабильности странах продолжается модернизация. В результате в этих обществах формируется все более сложный конгломерат современного и архаичного во всех сферах производства и жизни.*

Столицы и многие города в Африке, в том числе и в зоне Сахеля – это достаточно современные места со всеми атрибутами цифровой цивилизации. Так, в странах Африки широкое распространение получили электронная торговля и электронные платежи. Использование цифровых технологий пронизывает сегодня множество сфер экономики и жизни общества, в том числе «умный город», «интеллектуальные транспортные системы», онлайн-образование, «цифровое здравоохранение». Так, в Сенегале использование цифровых технологий в здравоохранении включает создание платформы для обмена информацией по распространению эпидемий, внедрение устройств для выявления заболевших на дому, приложение для отслеживания и предотвращения болезней, алгоритмы действий по предотвращению эпидемий, отслеживание местоположения заболевших

с помощью GPS, чтобы предсказать и предотвратить возможные случаи заражения (Цветкова 2020: 8–9). Но все это сочетается с крайней архаикой отгонного скотоводства и переложного земледелия. В итоге возникают сильные культурные и социальные напряжения и диспропорции, различия в представлениях о будущем страны.

Постепенно в связи с модернизацией и урбанизацией, ростом образования некоторые черты архаики будут уходить, но в течение долгого времени. В то же время при быстрой модернизации возникает жесткий конфликт передового и архаичного, что само по себе является источником нестабильности.

5. Урбанизация и риски

Урбанизация – важнейшая часть модернизации. И она исключительно сильно влияет на возможности дестабилизации, особенно на первых своих этапах (Гринин, Коротаев 2009).

Это связано с быстрым перетеканием жителей сельской местности в города, где они оказываются в непривычной среде, часто чувствуют себя ущемленными, а также, не имея высокой квалификации, подвергаются большей эксплуатации и быстрее становятся жертвами экономических кризисов и неурядиц. Кроме того, в числе отходников в города особенно высокая доля молодежи, более взрывоопасного социального материала и более подверженного агитации. Неслучайно именно из городской молодежи часто вербуются люди в состав террористических групп (Cooper, Yue 2008: 171; см. также: Collier, Hoeffler 2004; Xenos 2004; Коротаев и др. 2020). Есть и целый ряд других факторов, которые показывают связь и корреляцию между урбанизацией и терроризмом (Смысловских и др. 2020). Период урбанизации до достижения ею уровня от 30 % до 50 % (то есть такого, который становится менее опасным с точки зрения дестабилизации) достаточно длительный¹² (об этом уровне см.: Гринин, Коротаев 2009; Korotayev *et al.* 2014; см. также: Смысловских и др. 2020). Между тем анализ показывает, что именно в зоне Сахеля много стран с наименьшим процентом

¹² Это не самый начальный период урбанизации (до 10–15 %), а так называемые средние фазы демографического и урбанизационного перехода (свыше 10–15 % примерно до 30–40 %).

урбанизации и в то же время тех, где Отдел народонаселения ООН прогнозирует наибольший рост урбанизации в период между 2020 и 2050 г. (см.: Медведев и др. 2020 в настоящем выпуске, Рис. 2 и 9). Среди таких стран: Сомали, Нигерия, Эритрея, Мали, Буркина-Фасо, а также соседствующие с зоной Сахеля Того и ЦАР. Таким образом, в течение ближайших 30 лет фактор быстрой урбанизации будет способствовать процессам нестабильности в этих странах (и в ряде африканских стран других регионов). Однако надо добавить, что не все государства с наименьшим процентом урбанизации будут в ближайшие 30 лет иметь наибольшие темпы урбанизации. В частности, в Нигере и Чаде (соответственно 16 % и 23,5 % урбанизации) эти темпы не будут достаточно высокими. Следовательно, процессы быстрой урбанизации в них начнутся позже на одно-два десятилетия, а следовательно, опасность нестабильности из-за этого фактора в них может иметь место до 2070-х гг.

6. Территория государств как зона растущих геополитических интересов

Африка – огромный континент, население там быстро растет, экономика также поднимается достаточно быстрыми темпами. Соответственно, это очень крупный рынок, поэтому экспортеры различных товаров и услуг борются за него. Среди товаров особое место занимает оружие, и африканский рынок в данном отношении один из самых растущих. И на этом фоне обостряется геополитическая борьба крупнейших поставщиков оружия: США, Китая, России, Франции, Израиля и др. Понятно, что где оружие, там и нестабильность.

Африка также поставщик многих товаров и полезных ископаемых, часть из которых является стратегическим сырьем и почти не имеет альтернативных источников поставок¹³. Растет и значение

¹³ Более двух третей потребляемого в Америке кобальта – африканского происхождения. Этот металл используется при производстве термостойких и особо прочных сплавов для авиационной промышленности и магнитосплавов для электронной отрасли. Аналогичная ситуация сложилась и с потреблением марганца, по запасам которого Африка занимает первое место в мире. По мнению специалистов, экономика США жизненно зависит от стабильности импорта из Африки (Газетов, Ветров 2014). Отметим, что и ряд стран зоны Сахеля важны своими полезными ископаемыми. Так, Мали занимает третье место в Африке по добыче золота. Нигер занимает третье место в мире по добыче урана.

африканской нефти; в том числе ее добывают и в зоне Сахеля (помимо крупнейшей нефтеэкспортирующей страны региона Нигерии, а также Судана и Южного Судана), в частности в Камеруне и Чаде.

Африка занимает первое место в мире по запасам марганца, хромитов, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, ванадия, алмазов, фосфоритов, флюорита; второе место – по запасам меди, асбеста, урана, сурьмы, бериллия, графита; третье – по запасам нефти, газа, ртути, железной руды; значительны также резервы руд титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней и др. (Филатов 2012).

Поэтому неудивительно, что эксперты говорят о скором превращении богатых природными ресурсами государств региона в театр стратегического соперничества между США и их реальным конкурентом на мировой арене Китаем (Газетов, Ветров 2014). Собственно, это соперничество возрастает в последние два-три года буквально на глазах, в него включаются все новые страны, в том числе Россия (Волков 2020) и Европейский союз в целом¹⁴. По мере развития геологоразведочных работ оно будет естественным образом усиливаться. Соперничество это имеет и положительные стороны для африканских стран, поскольку крупные державы так или иначе оказывают помощь африканским странам и делают в них инвестиции. Включение ряда стран в орбиту ведущих государств дает толчок для модернизации их армий, управленческих структур и технологий.

В феврале 2014 г. была учреждена Сахельская пятерка (G5 Sahel) – Мали, Мавритания, Буркина-Фасо, Нигер и Чад. Лидеры пятерки намерены с опорой на Францию и Германию совместно бороться с исламским терроризмом и социально-экономической отсталостью. В феврале 2017 г. Сахельская пятерка создала совместное антитеррористическое подразделение (Гулевич 2017). Можно также указать на развертывание правительством США многолетней контртеррористической программы для Транссахары (The Trans-Sahara Counterterrorism Partnership – TSCTP), включившей в орбиту американского военного присутствия Мали, Нигер, Чад, Мавританию, Алжир, Буркина-Фасо,

¹⁴ В частности, интересы в Африке имеют Индия (Гулевич 2019а), Турция (Исаев 2018), Италия (Гулевич 2019б). Об интересах Японии, Бразилии и др. стран см.: Дейч 2020.

Марокко, Нигерию, Сенегал и Тунис. При этом TSCTP имеет весьма узкую направленность – антитеррор, предполагая обучение африканских военнослужащих современным методам борьбы с терроризмом (Газетов, Ветров 2014).

Сотрудничество стран Запада с государствами Сахеля – это многослойный пирог с переплетающимися взаимными и конкурирующими интересами (Гулевич 2017). И это сотрудничество и соперничество являются также потенциальным источником нестабильности, поскольку соперники могут поддерживать разные политические силы в этих странах, нередко инспирируют свержения правительств или задействуют иные дестабилизирующие факторы (см., например: о таких акциях США во франкофонной зоне: Филатов 2012)¹⁵, растет коррупция, а с ней и неустойчивость режимов, порой создается слишком сильная зависимость от торговых и иных отношений с крупными странами, инвестиции влекут за собой слишком тяжелые обязательства и т. д. В итоге формируются элиты, которые ведут свою политику в интересах бывших метрополий или крупнейших держав (как США или Китай), а не своего государства (Емельяненко 2020).

В последние годы очень много говорят о растущем влиянии Китая в Африке (Дейч 2020), и это верно. Так, потребность в ресурсах способствовала бурному росту торговли Китая с Африкой – с 11 млрд долларов в 2000 г. до 200 млрд в 2012 г. (Дейч 2013). Но это в основном экономическое влияние (инвестиции, долевое участие в добыче полезных ископаемых, модернизация инфраструктуры и портов, кредиты, растущая долговая зависимость стран от Китая). Однако оно быстро трансформируется в геэкономическое.

¹⁵ Так, в западной прессе высказываются предположения об умышленной дестабилизации американцами положения в регионе для того, чтобы обосновать военное присутствие США в странах Сахеля (Газетов, Ветров 2014). В Камеруне продолжает действовать сепаратистское движение англоговорящих провинций. Есть предположения, что их активизация связана с тайной деятельностью Великобритании (которая кое-где продолжает соперничать с Францией), а также что это дело рук США, поскольку на территории Камеруна столкнулись глобальные интересы США и Китая (Филатов 2019б). В последнее время Вашингтон занимается вытеснением Китая из Африки. Не имея возможности конкурировать с системной китайской экономической политикой (Пекин инвестировал огромные средства в Черный континент), американцы делают упор на перевороты, развал государств, а также волшебное слово «демократизация» (Мирзаян 2020).

Так, 37 из 54 африканских стран подписали с Китаем соглашение в рамках проекта «Один пояс – один путь», среди них и сахельские страны (Чад, Мавритания, Нигерия и др.) (Филатов 2019a).

Отметим также, что Китай основное внимание уделяет не странам зоны Сахеля, а в основном нефтедобывающим и имеющим важные рудные полезные ископаемые. Тем не менее можно смело прогнозировать, что по мере обострения борьбы за африканские рынки и связи роль стран Сахеля для Пекина будет повышаться. Пока же страны зоны Сахеля, а также соседствующие с ними страны Западной Африки находятся больше под влиянием Франции и США. Для Парижа контроль над Сахелем – вопрос не только явных геополитических выгод, но и политического престижа. В прошлом регион был колонией Франции, и сегодня Париж также считает необходимым присутствие здесь своих солдат (Гулевич 2017). Сегодня франкофонная Африка остается зависимой от Франции (Емельяненко 2020). Но интерес к этой зоне стал проявлять и Берлин. Для США эта зона во многом важна, поскольку она является слабо контролируемой национальными правительствами, соответственно, как мы уже указывали, здесь имеет место разгул наркоторговли, преступных группировок и терроризма. И с точки зрения военной экспансии (которая еще слаба у Китая) для США здесь много привлекательного.

На сегодняшний день Африканское командование вооруженных сил США имеет в своем распоряжении 7500 американских военнослужащих. Наращивание американского военного присутствия в Африке является беспрецедентным. Африка оказалась на втором месте после Ближнего Востока по количеству находящихся на ее территории американских спецподразделений, которое увеличилось в 17 раз за последние десять лет. Об этом свидетельствует обширная и постоянно растущая сеть военных баз США на континенте, число которых в настоящее время возросло до 46, включая 15 «устойчивых» пунктов. Это позволяет США под предлогом «борьбы с глобальным терроризмом» вмешиваться в ситуацию в горячих точках Африки (Пархоменко 2020: 21, 22).

Таким образом, проведенный в статье анализ следующих факторов: а) недостаточная зрелость политических отношений и системы государственного управления, ведущая к тому, что многие

страны Афразийской макрзоны нестабильности относятся к слабым или несостоявшимся государствам, неспособным противостоять преступным и террористическим группировкам, защитить собственное население; б) архаичность хозяйства и социальных отношений; в) продолжающиеся процессы модернизации и урбанизации; г) Африка, в том числе зона Сахеля и Северная Африка, а равно и другие зоны Афразийской макрзоны нестабильности, становятся территорией все большего геополитического соперничества крупных держав, – дает основания для вывода о том, что период изживания этих недостатков и взросления обществ будет также периодом чрезвычайно высокого риска дестабилизационных процессов.

Библиография

- Волков К. 2020.** Статья ближе к Африке. Примет ли Россия участие в промышленной революции «Черного континента». *Российская газета – Федеральный выпуск* 28(8082). URL: <https://rg.ru/2020/02/10/chtonuzhno-predpriniat-rossii-dlia-uchastia-v-iv-promyshlennoj-revoliucii-afriki.html>.
- ВПП ООН 2019.** Буркина-Фасо находится в эпицентре драматических гуманитарных кризисов, охвативших центральный Сахель. *ВПП ООН* 19 ноября. URL: <https://ru.wfp.org/news/burkina-faso-epicentre-dramatic-humanitarian-crisis-gripping-central-sahel>.
- Газетов В., Ветров М. 2014.** Сахель под прицелом. *Независимое военное обозрение* 26 сентября. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2014-09-26/1_sahel.html.
- Гринин Л. Е. 2006.** Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев. Волгоград: Учитель. С. 85–163.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ.

- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Изд-во ЛКИ. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2013.** Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2014.** Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. *История и Математика: ежегодник*. Т. 10. *Аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Ред. А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 98–127.
- Гринин Л. Е. 2017.** Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования* 4: 138–155.
- Гринин Л. Е. 2018.** О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 320–349.
- Гринин Л. Е. 2019.** Исламизм и процессы глобализации. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 10 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 6–35.
- Гринин Л. Е. 2020а.** Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 666–693.
- Гринин Л. Е. 2020б.** Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 829–853.
- Гринин Л. Е. 2020в.** Радикальный исламизм, религиозный фактор и нестабильность в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 810–828.

- Гринин Л. Е. 2020г.** Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрорезоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 181–199.
- Гринин Л. Е. 2020д.** Революции как фактор дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и Афразийская макрорезона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 146–180.
- Гринин Л. Е., Билюга С. Э., Коротаев А. В., Гринин А. Л. 2017.** Возраст государства и социально-политическая дестабилизация: предварительные результаты количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 8 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 141–169.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов. *Полис* 4: 34–52.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2015.** Введение. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 6. *Украинский разлом* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. Волгоград: Учитель. С. 4–19.
- Гулевич В. 2017.** Сахель: конкуренция Запада и борьба с терроризмом. *Международная жизнь* 7 июля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17938>.
- Гулевич В. 2019а.** Африканская политика Индии. *Международная жизнь* 21 мая. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22544>.
- Гулевич В. 2019б.** Италия возвращается в Африку. *Международная жизнь* 29 января. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21520>.
- Гуманитарный портал 2020.** *Рейтинг стран мира по уровню слабости* 11 ноября. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/fragile-states-index>.

- Дейч Т. Л. 2013.** «Китайский век» для Африки. *Международные отношения* 10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/953>.
- Дейч Т. Л. 2020.** Сотрудничество Китая со странами Африки: современный этап. *Африка в условиях формирования полицентричного мира. Заочная конференция с международным участием. Тезисы* / Отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч. М.: Институт Африки РАН. С. 34–35.
- Емельяненко Е. Г. 2020.** Постколониальная Африка: проблемы и перспективы. *Мировая политика* 2: 86–101. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33344.
- Звягельская И., Кузнецов В. 2017.** Государство на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера. *Международные процессы* 15(4): 6–19.
- Исаев А. 2018.** Турция в Африке: задел на будущее. *Международная жизнь* 1 августа. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20288>.
- Конько А. 2020.** Масштабная война за Африку: как к этому причастна Россия. *24 канал* 6 апреля. URL: https://news.24tv.ua/ru/masshtabnaja_vojna_za_afriku_kak_k_jetomu_prichastna_rossija_n1311067.
- Коротаев А. В., Слав М., Зинькина Ю. В., Романов Д. М. 2020.** Урбанизация, рождаемость, городская молодежь и прогнозирование структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Африки южнее Сахары. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 317–370.
- Ланда Р. Г., Саватеев А. Д. 2015.** Политический ислам в странах Северной Африки. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1 / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 126–180.
- Максимов Б. 2011.** Кот-д’Ивуар: что сломало страну? *Русская служба Би-би-си. Лондон* 31 марта. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2011/03/110331_ivoiry_coast_explained.
- Мальшева Д. 2014.** Исламистское обличье африканских военных конфликтов. *Международная жизнь* 11. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1173>.
- Медведев И. А., Айсин М. Б., Романов Д. М., Коротаев А. В. 2020.** Урбанизация в Африке: результаты и перспективы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 303–316.

- Мирзаян Г. 2020.** Ради борьбы с Китаем США разожгли войну в Африке. *Взгляд* 20 ноября. URL: <https://vz.ru/world/2020/11/20/1071522.html>.
- Мьюир Д. 2016.** «Исламское государство»: история с начала. *Би-би-си* 19 марта. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/03/160311_is_full_story.
- Пархоменко В. К. 2020.** Роль АФРИКОМ в странах Африки. *Африка в условиях формирования полицентричного мира заочная конференция с международным участием. Тезисы* / Отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч. М. С. 21–22.
- Пашенцев Е. Н. 2016.** Армия и политика: к природе военных переворотов в период холодной войны (1940–1980-е гг.) Государственное управление. *Электронный вестник* 56. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk_56._ijun_2016_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/pashentsev.pdf.
- Поволоцкий Г. 2014.** Воссоздание центральной власти в Ираке, разрешение конфликта в Сирии – это очень важно для противостояния джихадистам из «Исламского государства». *МГИМО Университет* 6 октября. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/260309/>.
- Смысловских Е. А., Колесников И. В., Новиков В. А., Слав М., Коротаев А. В. 2020.** Урбанизация и терроризм: опыт количественного анализа *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 265–302.
- Стародубровская И., Мау В. 2004.** *Великие революции. От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус.
- Тремо В. 2020.** Когда изменение климата – реальность. Помощь скотоводам Сахеля в построении устойчивого будущего. *Всемирный банк* 21 сентября. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/immersive-story/2020/09/21/where-climate-change-is-reality-supporting-africas-sahel-pastoralists-secure-a-resilient-future>.
- Филатов С. 2011.** Бармалей из Сомали. *Международная жизнь* 11 февраля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/631>.
- Филатов С. 2012.** «Poor, poor Africa». *Международная жизнь* 14 августа. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8679>.
- Филатов С. 2019а.** Безопасность Африки обсуждается в... Китае. *Международная жизнь* 24 июля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23269>.
- Филатов С. 2019б.** Кто и зачем «раскачивает» Камерун? *Международная жизнь* 23 июля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23254>.

- Филиппов В. 2013.** Война в Мали: тень Елисейского дворца. *Международная жизнь* 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/848>.
- Филиппов В. Р. 2020.** Актуальная геополитическая ситуация в Сахеле. URL: <https://www.inafran.ru/node/2202>.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум Э. 1999а.** *Век империй*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Хобсбаум Э. 1999б.** *Век капитала. Европа 1848–1875*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Хобсбаум Э. 1999в.** *Век революции. Европа 1778–1848*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Цветкова Н. Н. 2020.** Цифровизация экономики стран Тропической Африки. *Африка в условиях формирования полицентричного мира. Заочная конференция с международным участием. Тезисы / Отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч*. М. С. 8–9.
- Шаровский А. 2014.** Сухие отношения. Чем недовольны жители стран, расположенных севернее экватора и южнее Сахары. *Коммерсантъ Власть* 28 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2458934>.
- Boix C. 2011.** Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.
- Brunk G. G., Caldeira G. A., Lewis-Beck M. S. 1987.** Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.
- Burkhart R. E., Lewis-Beck M. S. 1994.** Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(4): 903–910.
- Collier P., Hoeffler A. 2004.** Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers* 56(4): 563–595.
- Cooper W. W., Yue P. 2008.** Rapid Urbanization and its Problems. *International Symposia in Economic Theory and Econometrics* 19(7): 161–171.
- Cutright P. 1963.** National Political Development: Social and Economic Correlates. *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior / Ed. by N. W. Polsby, R. A. Dentler, P. A. Smith*. Boston: Houghton Mifflin.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006.** Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.

- Grinin L. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1(1): 131–176.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics* 3: 124–157.
- Grinin L. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and “Fragile States”: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- Huntington S. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven; London: Yale University Press.
- Jackson R. H. 1990.** *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014.** A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History and Mathematics* 4: 201–267.
- Lipset S. M. 1959.** Some Social Requisites of Democracy. *American Political Science Review* 53: 69–105.
- Londregan J. B., Poole K. T. 1996.** Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.
- Moore B. 1966.** *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Rotberg R. (ed.) 2004.** *When States Fail: Causes and Consequences*. Harvard, NJ: Princeton University Press.
- Xenos P. 2004.** Demographic Forces Shaping Youth Populations in Asian Cities. *Youth, Poverty and Conflict in Southeast Asian Cities* / Ed. by L. M. Hanley, B. A. Ruble, J. S. Tulchin. Washington, DC: Woodrow Wilson Center for International Scholars. Pp. 7–36.